

Овсейчик, В.Е. Трансформация погребально-поминальной обрядности в советское время: пример белорусов Подвинья / В.Е. Овсейчик // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. статей / сост. А.С.Архипова. – М., 2013. – С. 170–177.

Трансформация погребально-поминальной обрядности в советское время: пример белорусов Подвинья¹

В.Е. Овсейчик

В XX в. погребально-поминальная обрядность белорусов Подвинья, как и вся народная культура, развивалась в новых условиях и претерпела существенные изменения.

В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. на территории Беларуси проходили «похороны-демонстрации» (по определению Н.С. Полищук [Полищук 1991: 26]): преимущественно так хоронили погибших революционеров во время разгона демонстраций, например, погибших во время октябрьских событий 1905 г. в Витебске и Полоцке. 18 октября 1905 г., в день провозглашения манифеста Николая II «О совершенствовании государственного порядка», казачий патруль в Витебске открыл стрельбу по участникам митинга, которые собрались слушать манифест. В итоге 7 человек были убиты, четверо – ранены. На следующий день в ответ собралась 20-тысячная демонстрация протеста, а в день похорон убитых около 40 тысяч человек приняли участие в похоронном шествии [История рабочего 1984: 241].

В этом случае изменения касались преимущественно публичной части обряда – похоронной процессии на кладбище. Она фактически приобретала значимость политической антиправительственной демонстрации. Характерной особенностью гражданских похоронных шествий в Полоцке и Витебске стало пение революционных песен, наличие духового оркестра, флагов, венков и транспарантов, а также широкое распространение материальной атрибутики красного цвета (как революционных символов) [Бич, Манис 1987: 117; История рабочего 1984: 241; 1905 год 1925: 83]. Неотъемлемым элементом гражданских похорон был митинг, который происходил на кладбище или по дороге к месту погребения [Бич, Манис 1987: 117; 1905 год 1925: 83].

В связи с событиями после Февральской революции 1917 г. демонстрации, митинги и манифестации становятся обычным явлением, и в ходе этих уличных выступлений заметное место отводилось поминовению погибших революционеров. Особенности таких поминовений был их гражданский характер, использование «красной» символики (красный цвет иногда дополнялся черной траурной лентой), наличие оркестра. Так, 10 марта 1917 г. в Витебске произошла демонстрация, которая была посвящена памяти погибших революционеров. Во время ее солдаты приняли новую присягу, а над ними развевался красный флаг с черными буквами: «Вечная память павшим за свободу» [Великая Октябрьская 1957: 137]. Во время первомайской демонстрации 1917 г. в Орше предусматривался митинг около могил «борцов за свободу». Руководство шествием на кладбище возлагалась на специальный исполнительный комитет, а его порядок определяли «депутаты», имеющие на рукаве красную повязку. В шествия участвовал духовой оркестр [Великая Октябрьская 1957: 190].

¹ Подвинье (Белорусское Подвинье, Поозерье) – историко-этнографический регион Беларуси, занимающий северную часть страны, расположен в бассейне Западной Двины и ее притоков.

Похороны-демонстрации и гражданские поминальные ритуалы в период революций начала XX в. не были массовыми, а касались конкретной категории умерших – погибших революционеров – и бытовали в полиэтнической городской среде.

С установлением советской власти в стране формируется новая система праздников и обрядов. Получили распространение публично-гражданские обряды, связанные с революционными праздниками (День Интернационала, День пролетарской революции, День памяти 9 января, День свержения самодержавия, День Парижской Коммуны, День Красной Армии). В этот период предпринимались попытки внедрить в быт населения и новые семейные обряды: «красные» крестины («октябрины»), «красная» («комсомольская») свадьба. Вместе с ними появился и «красный» погребальный ритуал.

Периодические издания Витебщины 1920–1930-х гг. содержат на своих страницах описания новых погребальных обрядов. Гражданские похороны, как видно из этих описаний, продолжали сохранять структуру традиционного обряда. «Синтаксическая память» о прежнем обряде продолжала определять структуру и последовательность обрядовых действий в новом ритуале. Изменения проявились в содержании, семантике отдельных частей и элементов ритуала. Замена в ряде случаев носило чисто механический характер. Так, в новом ритуале традиционное прощание на кладбище заменяет митинг с торжественными речами, а молитвы и отпевание священником – пением революционных песен и звучанием похоронного марша [Клявін 1927: 4].

«Красные» похороны проходили без участия священников. В ряде случаев только эта особенность являлась основным отличием нового обряда от традиционного, при этом факт неучастия священника в погребении был довольно принципиальным и показательным. Это проявилось также в номинативном аспекте нового гражданского обряда похорон. Проведение ритуала по-новому по сути являлось (а потому и называлось) «похоронами без попов» [Клявін 1927: 4; Т-ский 1925: 5]. Характерной чертой гражданских похорон, которые проводились в регионе в 1920-е гг., стало выпадение из обряда тех элементов, которые носили религиозный характер, особенно религиозной атрибутики. Вместо нее стали применять «красную», которая появилась еще во время революции 1905–1907 гг. Так, крест и церковные хоругви заменяли красными флагами и венками [Клявін 1927: 4]. В структуре гражданских погребальных обрядов появляется такая часть как клятва (или обещание), которую давали присутствующие на могиле умершего [Клявін 1927: 4].

В 1920–1930-е гг. гражданский («красный») обряд похорон не имел широкого распространения и бытовал преимущественно в городской среде. Однако, как свидетельствуют источники, он встречался и в сельской местности [Клявін 1927: 4; Т-ский 1925: 5]. Погребение большей части белорусского населения Подвинья проходили по традиционному обряду. Он иногда дополнялся религиозными ритуалами. Такая практика бытовала даже в семьях большевиков, о чем с сожалением отмечали корреспонденты того времени [Бачыўшая 1927: 4]. Некоторые элементы «красных» похорон межвоенного периода довольно прочно вошли в структуру гражданского погребального обряда (использование оркестра, гражданская панихида, «красная» атрибутика) и продолжали использоваться в дальнейшем.

На территории Беларуси в первые послеоктябрьские годы сохраняется традиция поминовения погибших революционеров во время митингов и демонстраций, приуроченных к важным государственным праздникам (1 Мая, годовщины Октябрьской революции) [Бялявіна и др. 2002: 574; НАРБ. Ф. 4. Оп. 7. Д. 46. Л. 69; Г-ч 1927: 2]. В 1920–1930-е гг. траурные митинги проводили исключительно для поминовения погибших в борьбе за установление советской власти. В 1920-е гг. митинги часто проводили на могилах героев гражданской войны, а в 1930-е гг. – в память советских деятелей, которые погибли во время

коллективизации. Для таких митингов было характерно возложение цветов и венков, почетный караул, наличие духового оркестра [Праздники и обряды 1988: 271].

Изменения, произошедшие во время Отечественной войны, затронули саму структуру погребального обряда. Ритуал становится более упрощенным и свернутым. Из него исчезают как отдельные элементы, так и целые группы элементов, что вызвано невозможностью их выполнения в условиях военного времени. Отсутствие возможности изготовить или приобрести необходимые для погребения вещи приводит к тому, что хоронили умершего без них. Даже такой принципиальный момент, как погребение покойника в гробу, не всегда был возможным [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 44]. По причине недостатка необходимых материалов для изготовления гроба, его иногда делали из подручных (*А былі такія случаи, што без труны маглі хаваць пакойніка? – Былі случаи. <...> Да, былі вайной. Збілі сколька, ну жэрдзе, как завецца. Выразалі, збілі, пахаранілі* [Инф. 1]). Выбор времени и места погребения в таких условиях был обусловлен принципом безопасности (*А як вайной харанілі? – Хавалі ціха, баяліся немцы каб не наскочылі* [Инф. 2]). Иногда погребение умершего происходило в лесу [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 44; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Т. 1. Л. 28].

Эти трансформации коснулись ритуальных предписаний и запретов. Прежние предписания, многие из которых сохранились вплоть до нашего времени, в период войны не имели такого значения. Так, в белорусской традиции копанье могилы является специфически мужским занятием. Эта особенность вытекает не только из объективного разделения труда между мужчинами и женщинами, но также была закреплена на символическом уровне. Женщины не только не принимали участие в этом деле, но даже их присутствие на кладбище во время копания могилы было нежелательным [Шпілеўскі 2010: 143]. Отсутствие мужчин во время войны привело к тому, что могилы иногда копали женщины (*Даўна ў вайну дажа бабы капалі яму. <...> А як жа ж, ні было каму. Ні знаю як дамоўі тыя хто рабіў, а сама помню, што бабы капалі* [Инф. 3]). В прошлом строго придерживались требования о неучастии родных умершего в погребальном обряде. Во время войны оно исполнялось не всегда (*Яму не было выкапаць, некаму было выкапаць. Во, суседка мая, матка памёрла з вайны, а людзей не было. Сама яна яму выкапала і на кладбішчы пахараніла* [Инф. 4]).

Носители традиции, видимо, осознавали несоответствие погребального ритуала во время войны традиционным нормам. Поэтому уже после войны иногда происходило перезахоронение умерших по традиционному обряду [АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4. Т. 1. Л. 12, Л. 44].

После окончания войны особенное распространение получило почитание жертв войны: накануне или в День Победы возлагать венков и цветов к памятникам и братским могилам погибших во время войны. Несмотря на существование установленного общегосударственного дня памяти жертв войны, в некоторых местностях Подвинья поминания погибших проходили и в другие дни. Так, в д. Перевоз Россонского района Витебской области, где распространена традиция поминать умерших на Троицу, поминовение погибшего партизана было приурочено к этому празднику (*Ай, проста, там жа [на горцы – А.У.] парцізан захаронены. Хадзілі на яго кажную Тройцу і гэтага парцізана паміналі* [Инф. 5]). Такая традиция существовала и в Шулятинском сельсовете того же Россонского района [Залескі, Іваноў 1960: 41].

Конец 1950-х гг. отметился новым всплеском обрядотворчества. В отличие от довоенного этапа, введение социалистической обрядности в этот период носило не стихийный, а плановый характер, где центральная роль принадлежала органам руководства. Однако в сфере погребально-поминальной обрядности эти процессы оказались несколько запоздалыми. Основное внимание комиссий по новым обрядам, общественности, органов государственного и партийного руководства было направлено на разработку и внедрение торжественной обрядности. Первые рекомендации для проведения гражданского обряда

похорон появились только в 1970-е гг. Показательным выглядит и тот факт, что в публикациях того времени о внедрении новых гражданских обрядов семейного цикла в жизнь белорусов региона вопросы о погребально-поминальной обрядности почти не затрагивались.

Внедрение гражданской погребальной обрядности на Беларуси в 1960–1980-е гг. происходило более интенсивно, чем в 1920–1930-е гг. В связи с распространением гражданской обрядности уменьшается количество похорон, проведенных в соответствии с церковным ритуалом. В середине 1970-х гг., согласно официальным данным, в Витебской области оно снизилось до 11% от всех похорон [НАРБ. Ф.4. Оп. 62. Д. 869. Л. 38]. Более стойко религиозный компонент сохранялся в западных районах Витебской области, особенно в сельской местности [НАРБ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 37. Л. 89; НАРБ. Ф.4. Оп. 62. Д. 802. Л. 167; Кухаренок 1988: 106]. С уменьшением количества похорон, проведенных с участием священников, значительно возрастает число заочных отпеваний. Так, в Полоцке, по официальным данным, в 1973–1974 гг. количество отпеваний в церкви было почти в 20 раз больше, чем непосредственных отпеваний во время погребения [ЗГАП. Ф. 658. Оп. 6. Д. 287. Л. 24; ЗГАП. Ф. 658. Оп. 6. Д. 376-а. Л. 44].

Как свидетельствуют источники, в послевоенный период среди белорусского населения Подвинья был распространен не столько сам гражданский безрелигиозный погребальный ритуал, сколько его отдельные элементы. Особенно популярным было использование духового оркестра при погребении умерших, что фиксировалось и в сельской местности [АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 89. Д. 244. Т. 3. Л. 15; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 1. Л. 6; АИФФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5. Т. 2. Л. 11, Л. 20]. Наличие духового оркестра на похоронах для официального руководства было средством, с помощью которого можно более активно внедрять новую гражданскую погребальную обрядность в деревне [НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 667. Л. 223]. Однако, как свидетельствуют источники, проведение гражданской панихиды с использованием духового оркестра иногда сочеталось с церковным отпеванием [НАРБ. Ф. 4. Оп. 62. Д. 822. Л. 167].

Формирование советской гражданской обрядности предусматривало установление нового дня поминовения умерших, поскольку старые были приурочены к религиозным праздникам. В 1960–1980 гг. предпринимались попытки по решению этого вопроса. Хоть день памяти предлагали проводить 2 или 8 мая, в последнее воскресенье апреля или в первое воскресенье мая [Кухаронак 2001: 366], всё же день поминовения умерших в этот период не нашел своего оформления. Поминовение погибших в Великой Отечественной войне, которое происходило 8 или 9 мая, также не считалось днем памяти всех умерших. По данным этносоциологического исследования 1986 г. 95,6 % сельских и 93,6 % городских жителей страны продолжали поминать умерших в традиционные дни [Кухаронак 1988: 106].

Список информантов

- Инф. 1. – *П.Г.С.*, 31 год, род. и проживает в д. Речные Докшицкого р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчиком в 2009 г.
- Инф. 2. – *С.С.П.*, 26 год, род. и проживает в д. Стенка Докшицкого р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчиком в 2009 г.
- Инф. 3. – *Я.Ф.И.*, 36 год, проживает в д. Гайдуки Поставского р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчиком в 2009 г.
- Инф. 4. – *П.Г.И.*, 35 год, род. и проживает в д. Шо Глубокского р-на Витебской обл., зап. В. Овсейчиком в 2010 г.
- Инф. 5. – *К.Л.Д.*, 25 год, род. и проживает в д. Перевоз Россонского р-на Витебской обл., зап. В. Лобачем в 2009 г.

Сокращения

АИИЭФ - Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Беларуси.
АИФФ - Архив историко-филологического факультета ПГУ.
ЗГАП - Зональный государственный архив в г. Полоцке.
НПРБ - Национальный архив Республики Беларусь.

Литература

- 1905 год у Беларусі: зб. артыкулаў, успамінаў і матэрыялаў. Мінск: 1-я дзяржаўная друкарня, 1925.
- Бачыўшая*. Трымаецца за папоў // Віцебская сялянская газета. 1927. 16 кастрычніка. С. 4.
- Бич М.О., Манис Н.А.* Начало рабочего движения. Революция 1905–1907 гг. // Полоцк: Исторический очерк. Минск: Наука и техника, 1987. С. 111–120.
- Бялявіна В.М., Гурко А.У., Кухаронак Т.І., Ракава Л.В.* Святы // Беларусы. Т.6: Грамадскія традыцыі. Мінск: Бел. навука, 2002. С. 299–598.
- Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т.1. Минск: Гос. из-тво БССР, 1957.
- Г-ч Я.* Абаронім заваёвы Кастрычніка // Беларуская вёска. 1927. 20 лістапада. С. 2.
- Залескі А.І., Іваноў У.М.* Новыя звычэй і абрады – у наш быт. Мінск, 1960.
- История рабочего класса Белорусской ССР. В 4-х т. Т.1. Минск: Наука и техника, 1984.
- Клявін*. Пахавалі камунара // Віцебская сялянская газета. 1927. 16 кастрычніка. С. 4.
- Кухаренко Т.И.* Основные этапы и тенденции развития семейной обрядности в Белорусской ССР // Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1988. С. 93–109.
- Кухаронак Т.І.* Пахавальна-памінальныя звычэй і абрады // Беларусы. Т.5: Сям’я. Мінск: Бел. навука, 2001. С. 351–369.
- Полищук Н.С.* Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. №6. 1991. С. 25–39.
- Праздники и обряды в Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1988.
- Т-ский М.* Без попов // Витебская крестьянская газета. 1925. 19 февраля. С. 5.
- Шпілеўскі П.М.* Беларусь у абрадах і казках. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010.

Transformation of funeral and memorial ceremonies in the Soviet period: the case of Belarusians of Podvinye

V. Ovseychik

The article discusses changes in funeral and memorial ceremonies of Belarusians of Podvinye in Soviet times. The first covers the period from 1920 to the end of the 1940s. At this stage, there are new forms of funeral rites ("red" funerals and civic memorial rituals in the 1920s and 1930s.). The changes in this period were the mass, referred to specific categories of the dead, existed mainly in the urban environment. They almost did not affect the traditional funeral rites of Belarusians of Podvinye. At this stage separately allocated during the Great Patriotic War. At the time of her funeral rites numbers of parts and components disappear. The second stage falls on the 1950-1980-ies. For its characteristic extension of civil funeral rites, reducing the number of church funerals and memorial services, the disappearance of a number of traditional rituals elements, the appearance of new ones.

